

The book cover features a vibrant red background. A large, dark blue circle with a thick, textured gold border is centered in the upper half. Inside this circle, the author's name and the title are written in white. The background is filled with various traditional Japanese patterns: a red and white hexagonal honeycomb pattern in the top left, a repeating gold and white wave pattern (sawabiki) in the bottom left, and a repeating gold and white fan-like pattern (karakusa) in the bottom right. A stylized gold cloud (suyari-gumi) is positioned to the left of the central circle. The overall design is rich and detailed, reflecting traditional Japanese aesthetics.

С. САНДЗИН

СКАЗАНИЯ
ДРЕВНЕЙ
ЯПОНИИ

Подарочные издания. Мифология

Садзанами Сандзин

**Сказания Древней Японии. Мифы
и легенды. Коллекционное издание**

«ЭКСМО»

УДК 398.2(=521)
ББК 82.3(5Япо)-6

Сандзин С.

Сказания Древней Японии. Мифы и легенды. Коллекционное издание / С. Сандзин — «Эксмо», — (Подарочные издания. Мифология)

ISBN 978-5-04-197557-9

Откройте для себя мир легенд, мифов и сказаний Страны Восходящего Солнца, узнайте о ее божествах, ощутите особый национальный дух Японии, зародившийся еще в древности. Садзанами Сандзин тщательно отобрал и систематизировал народный эпос, и изложил его на современном ему японском языке: волшебный мир легенд, мифов и сказаний находит себя в притчах, народных суевериях и религиозных верованиях Страны восходящего солнца. Таинственный и увлекательный мир божеств и легенд, уникальный дух национального эпоса, эстетика, философия и религия Страны восходящего солнца ждут вас на страницах этой книги. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 398.2(=521)

ББК 82.3(5Япо)-6

ISBN 978-5-04-197557-9

© Сандзин С.

© Эксмо

Содержание

Предисловие	6
Момотаро	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Садзанами Сандзин
Сказания Древней Японии. Мифы
и легенды. Коллекционное издание

© Травин Д.С., обложка, 2023

© Давлетбаева В.В., иллюстрации, макет, 2023

© Издание на русском языке, оформление, ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

«Нихон мукаси банаси», что в дословном переводе значит «японские древние сказания», – так назвал свое произведение современный японский писатель Ое Садзанами. В переводе это значит «малые волны», то есть зыбь большой реки. Такой литературный псевдоним взял себе Суэо Ивая. Он также подписывал свои произведения как Сиоха, Ое Сиоха (значение то же, что и Ое Садзанами), Садзанами Сандзин.

Ивая – токийский уроженец; он родился в 1871 году. Свою литературную деятельность начал с повестей, в которых сразу же сказался его незаурядный талант. Он примкнул к школе нового направления реалистов, однако, занявшись изучением японской древности, начал специализироваться на обработке сказаний о делах былых, времен далекой старины. Он собирал рассеянные по разным литературным памятникам легенды и предания и перекладывал их на современный, понятный для всех язык, предназначая их главным образом для детей и юношества. Он стал единственным писателем-пионером в этой области и по справедливости может быть назван создателем подобной литературы в новом, современном, периоде развития Японии. Вышедшие из-под пера Садзанами сказания «Отоги банаси» («Рассказы сиделки») и «Мукаси банаси» придуманы, конечно, не им, в основе этих сказок лежит мифологически-историческая основа. Он лишь брал уже готовый материал и талантливо обрабатывал его.

Большой мастер слова, умеющий пользоваться всеми ресурсами своего языка, он сумел придать легендам особый колорит художественности. При этом он всегда оставался верен исторической первооснове. Ни на йоту не отступая от нее, он представлял ее в художественных, метко очерченных образах и картинах, которые создавали яркий колорит художественно-литературного произведения.

Садзанами и его «Мукаси банаси» известны всей Японии. На этих сказках воспитывается подрастающее поколение. Это своеобразный литературный памятник, в котором неизгладимыми чертами запечатлен дух нации, в котором отразилась древняя культура страны в ее развитии с древнейших времен. Эта культура составляет важное наследие для современной японской нации. И эта культура, этот дух, этот национальный стержень жизни не умер, не изжит, он еще в силе и не перестал действовать. Со стариной не порвано. Она еще сказывается, она еще жива и лежит, несомненно, в основе всего мирозерцания японского народа.

Конечно, постепенный прогресс заслоняет старину все более и более; жизнь идет новыми руслами, образуются новые наслоения и напластования, но все же при всем этом наследие прошлого слишком еще живо. Между старым и новым, между древним и современным существует связь, и в Японии она, может быть, глубже, чем у любой иной нации, у любого иного народа. С момента приобщения Японии к европейской культуре прошло с исторической точки зрения не так много времени. За этот период внешний, технический уклад жизни значительно изменился, но гораздо более длительное время нужно, чтобы изменился уклад жизни духовный, те этические принципы, которые вырабатывались в течение долгих столетий.

Историческая жизнь японской нации, как и всякой другой, текла своим естественным порядком, постепенно вырабатывался социальный строй, менялись его формы – одни отживали, другие нарождались. Постепенно расширялся и видоизменялся умственный горизонт, видоизменялись этические воззрения, но все последующее не возникало вдруг, вне связи с общим течением жизни – оно покоилось на прошлом, имело с ним глубокую связь, вытекало из него.

Процесс этот шел медленно, постепенно и приблизительно в одном направлении, поскольку и сами условия, при которых он зародился, при которых он совершался, не претерпевали резких изменений. Действие факторов, играющих несомненно важную роль в культурном прогрессе, действие так называемых естественных причин, не подвержено вообще резким

колебаниям. И изменения в этом отношении совершаются медленно и незаметно, происходят на протяжении громадного времени. Это приложимо ко всему человечеству вообще, но для Японии был еще один фактор, которого не доставало, пожалуй, другим нациям, – сравнительная изолированность страны, сказавшаяся на протяжении всей ее истории, отсутствие общения с другими народами. И хотя, может быть, ни одна нация, ни одна страна не имеют так много заимствованного, как Япония, тем не менее эти заимствования не послужили поводом к живому обмену, к постоянному общению с другими культурами.

Без преувеличения можно сказать, что Япония заимствовала у других все, что было необходимо для ее жизни, физической и духовной. Она заимствовала религию, письменность, искусства и ремесла, формы социального строя, философию и этику, церемонии, обряды, утварь и одежду.

Однако эти заимствования она прятала в глуши своих островов и в тиши уединения перерабатывала их на свой лад, под действием неизменных естественных факторов, определявших общее направление ее жизни. Она жила сама в себе, замкнутая и неведомая, создавала жизнь сама в себе. Процесс развития ее жизни шел при таких условиях постепенно и медленно, потому прошлое играло в этом процессе громадную роль. Новое вырабатывалось и усваивалось медленно, а старое продолжало жить и действовать, продолжало занимать если не первое, то, во всяком случае, и не последнее место. Так продолжалось и до самого последнего времени.

Связь с прошлым глубока и сильна и поныне. Она не видна, может быть, постороннему взгляду с первого раза, но она существует и сильно сказывается на всех проявлениях жизни. Многое в современной жизни Японии может стать понятным при известном знакомстве с прошлым этой нации, непонятное и странное легко может объясняться именно с этой точки зрения. Но где искать это прошлое? Где те памятники, понятные и доступные, по которым можно было бы проследить это прошлое, так далеко, так глубоко скрытое от посторонних глаз? Их много, этих памятников, и они весьма разнообразны. И в числе их, несомненно, громадную и важнейшую роль играют памятники литературные – эти никогда не умирающие свидетели былого. Одним из таких памятников и является сборник «Мукаси банаси».

Это не сказки, придуманные только для развлечения детей. В двадцати четырех обработанных Садзанами сказаниях сборника «Мукаси банаси» отмечены главнейшие моменты японской мифологии, истории, этики, религии и быта. Это то, чем жил народ, это свидетельства того, как он жил, как мыслил, к чему стремился, во что веровал, чем восхищался, что ненавидел. Конечно, сюда уместилось далеко не все, но все же здесь видна, так сказать, душа народа, здесь можно проследить руководящие принципы жизни, как они действовали в свое время, оставшись запечатленными легендой во всей их исторической правде.

Все сказания сборника «Нихон мукаси банаси» можно разделить на несколько групп.

I

Сказания мифические: «Восьмиглавый змий», «Заяц и крокодилы», «Таманои». Это группа сказаний, включающих некоторые моменты древнейшей японской мифологии, передающих некоторые мифы, как они записаны в древнейших японских литературных памятниках.

В основе японской мифологии лежит, как и у многих других народов, солнечный миф. Главное божество национальной религии японцев – с высокого неба сияющая богиня солнца Аматерасу. Она само солнце, центр этого мифа, который естественным порядком переходит затем в мифы земледельцев. Начала коренной культуры нашли себе здесь надлежащее место. Борьба с силами природы, которые надо было преодолеть, к которой надо было приспособиться, была, конечно, трудна для тогдашнего человека, имевшего слишком мало ресурсов для

такой борьбы. Все это запечатлено в легендах. На глазах у нас происходит обожествление сил природы, как благих, содействующих жизни человека, облегчающих ее, так и грозных, препятствующих ей.

Однако это еще не все. Легенды создавались медленно. Они, так сказать, наслаивались постепенно, пока не стали настоящим мифом, в котором нашли верное отражение жизненные принципы нации. В нем отпечатлелась душа народа, в нем сразу же наметилось направление этики, и это не случайно. То, что было положено здесь в основу этического мирозерцания, не было случайно пришедшим элементом; эти принципы сказались в дальнейшем. Они действовали на протяжении многих и многих веков, и не будет ошибкой сказать, что они действуют и теперь, хотя и не в такой, может быть, резкой форме.

Погрешил против великой богини буйный брат ее Сусаноо – и спряталась богиня. Наступил мрак. Однако гнев и упорство богини были сломлены, и сломлены простым средством – обманом. В утилитарных целях сами боги прибегли к обману.

Жестоко был наказан Сусаноо и изгнан на землю. Здесь, на земле, он, бог, помогает жалким, беспомощным людям. Он избавляет их от страшной, грозной силы, разрушающей их поля, посягающей на их жизнь. Он борется с ней. Он богатырь-подвижник, он, бог, опаивает змия, усыпляет его, рубит его, сонного. Победа на его стороне. Успех обеспечен. Все предусмотрено. Враг обманут, враг усуплен, враг бессилен. Герой не рискует ничем. Взмах меча – и всесильный бог делается героем-победителем. Беззаветная смелость и бесстрашие, смелый вызов врагу, готовность пожертвовать собою за других – здесь их просто нет. Важна только цель – средства не учитываются. Практический, утилитарный взгляд на вещи доведен до крайности, и он не считается ни с какими иными принципами. А легенды наслаиваются и наслаиваются. Как звенья одной цепи, сцепляются между собою факты жизни далеких времен; легенды с неба нисходят на землю, приближаются к людям.

Оставшийся на земле Сусаноо владеет всей тогдашней Японией, и владение его преемственно переходит к его потомку Окунинуси, который уступает свои права прямому потомку Аматерасу, ниспосланному ею с высокого неба и одаренному тремя эмблемами: зеркалом, нефритовым шаром и мечом – признаками его божественного происхождения от самой Аматерасу. Эмблемы эти имеют свою историю. С помощью зеркала и нефрита обманули боги Аматерасу, заставив ее приоткрыть дверь своего каменного убежища на небе. Меч найден в теле змия, опоенного, обманутого и убитого Сусаноо. Каменный шар, медное зеркало, железный меч! Медленно шла жизнь, медленно создавалась легенда, наслаиваясь и отражая в себе разные периоды жизни, разные ступени культурного процесса, но не преминула она, хотя и в затемненной форме, отметить века: каменный, медный и железный. Для слабого первобытного человека все было откровением высшей божественной силы, и простое каменное орудие, появившееся впервые, было для него даром божества.

Окунинуси сходит со сцены и делается божеством. Олицетворение терпения: при всех испытаниях, какие выпали на его долю, он все же не ожесточается, ему свойственно сострадание и милосердие, которые достойно награждаются.

В легенде звучит новая нота, выдвигается новый этический принцип – милосердия, но звучит он слабо, и уже устоявшийся принцип достижения цели любыми средствами так и бьет в глаза. Заяц, которого спас Окунинуси и к которому он проявил милосердие, начинает с обмана. Обман заячий, но цели достичь он помогает. Обман уже создается. Ему дается надлежащая оценка, но тем не менее он находит себе применение, он является одним из средств к жизни.

Японией владеет потомок богини, и власть в этом божественном роде передается преемникам, хотя остается в младшей линии, которой подчиняется старшая, – давно, конечно,

забытый исторический факт борьбы за преобладание! Этот факт опоэтизирован легендой, в которой перемешались и люди, и боги, в которой спутались внешние исторические факты с внутренними представлениями. Здесь все: и поэтические грезы древнейшего человека, в которых заодно действуют и неведомые ему обожествленные силы, и сам человек, получеловек-полубог, и близкая всему этому природа, с которой он жил в непосредственной близости и которую, может быть, любил, но которой еще больше боялся.

Море, окружавшее страну, давало значительные ресурсы жизни. Оно было и благотворительной, и вместе с тем грозной, неведомой силой. Оно было божеством, источником силы, могущества и власти. Полубог Хико Хоходэми спускается в подводное царство, роднится с божеством вод и от него получает новую силу, новый источник власти и могущества. Он, божественный, становится властелином и повелителем, и ему помогают все неведомые силы. В то же время его божественность распространяется и на весь народ. Те, над кем он властвует, не просто люди. Они тоже божественного происхождения, они выше других человеческих разновидностей, не имеющих за собою такого прошлого, не имеющих предка-божества. Эта божественность проходит красной нитью через всю японскую историю, каждый император Японии не более как потомок божественного рода, ведущего свое начало от великой богини солнечного света. Далекое прошлое непрерывною цепью тянется вплоть до Новейшего времени.

Такое мирозерцание не прошло бесследно для нации. Идея самовозвеличивания, собственного обожествления слишком жива еще и поныне. Знакомство с иным миром, с иной культурой, конечно, открыли японцам глаза на многое. Им пришлось столкнуться со многими фактами, говорящими противное. Но эта идея еще не исчезла, она держится и будет, вероятно, держаться еще долго. Хорошо это или худо, трудно ответить в коротких словах, но, несомненно, в этом есть аномалия, есть уклонение от нормального пути здорового культурного процесса, и причины этой аномалии можно проследить.

Рельеф страны, климат, почва – несомненно, важнейшие факторы в формировании психологии народа. Япония находилась в исключительных условиях. Затерянная в обширном океане, отрезанная бурным морем от ближайшего материка, Азии, с его пустынными в то время берегами, она была предоставлена сама себе; должна была жить сама в себе, отстранившись от общей культурной жизни соседних стран. Мягкий климат, незначительность площади Японского архипелага, защищенность от внешних вторжений, изобилие средств к существованию приучили довольствоваться тем, что давалось само, без чрезмерных затрат сил и энергии. Это, конечно, был минимум для удовлетворения потребностей, но к нему можно привыкнуть, а привыкнув, считать его за то высшее, что доступно человеку. Так и считали.

Незнание других привело к нежеланию знать их. Жизненные требования стали подгоняться к шаблону, отсюда снижение запросов, довольство тем, что есть, нежелание поисков нового. Окружающая природа давала много, она была всегда около человека, она, с одной стороны, может быть, и вдохновляла его, но еще больше давила на него. Близость к природе была, но близость неосмысленная, без попытки ее критически осмыслить. Природа давила человека, а сам он, с его мирозерцанием, вставал как бы вне ее. Мысль усыплялась все более. Обычные для человечества представления о силах природы, об отношении к ним самого человека не находили в Японии себе места. Человек воспринимался лишь как конкретное **я**, а абстрактное представление о человеческом существе не укладывается в рамки мышления такого конкретного **я**. Человек признавал человека только в самом себе. Собственная фигура заслонила все.

Самодовлеющий, с оцепеневшей мыслью, он не может уже сознательно, критически относиться к окружающему. Он реально сознает свою индивидуальность, но мысль не движется, и, кроме себя, он не видит уже подобного себе; он употребляет свою досужую фантазию на то, чтобы возвеличить себя в собственных же глазах.

Он не может отрешиться от представления о силах, его пугающих, о силах, ему непонятных, о силах, стоящих выше его разума. Не будучи в состоянии проанализировать своей застывшей мыслью отношение их к самому себе, он делает их божеством и приближает их к себе или себя к ним. Он стремится возвеличить себя, поскольку сознает себя реально, конкретно. До других, подобных ему существ ему нет дела.

Ленивый мыслью, убогий жизнью, инертный в смысле создания техники культуры, он может считать только ниже себя все, что не он сам лично. Конечно, современная жизнь повлияла на эту идею, она повредила до известной степени первоначальную ее чистоту, но все же это восприятие не утратилось совершенно и сказывается еще теперь и в виде той отчужденности, той неприязненности, которую питает этот народ в общей своей массе ко всему постороннему, ко всему, что не он сам. Между ним и остальным человечеством все еще лежит глубокая пропасть. Когда она закроется и закроется ли вообще – это вопрос открытый.

От обожествленных сил природы, от богов и полубогов легенда нисходит постепенно к людям. Участие людей делается все заметнее и заметнее. Мифический период естественным порядком переходит в легендарно-исторический и дает нам новую группу сказаний.

II

Сказания легендарно-исторические: «Момотаро», «Оеяма», «Иссумбоси», «Кинтаро», «Расёмон», «Тавара Тода», «Усивакамару».

В отличие от периода мифического, в котором при зарождении культуры всю силу, всю энергию пришлось употребить на элементарную борьбу с силами природы, на приспособление к ним, этот следующий период носит на себе отпечаток развития социального строя, объединения разнородных, вероятно, этнографических элементов, борьбы их между собою, подчинения одних другими. Это тот период, когда уже тем или иным путем образовалось ядро, давшее впоследствии японскую нацию, когда это ядро, отдельное племя или конгломерат нескольких, вероятно, родственных племен, осознало себя и вступило в борьбу с остальными родственными и неродственными племенами за обладание территорией архипелага.

Это племя сталкивалось с другими группами людей, населявшими в то время архипелаг, воевало с ними, знакомилось, подчиняло их себе, роднилось с ними, принимая в себя новые и новые элементы, вырабатывая все больше и больше формы социального строя. Все эти процессы начались в далекие незапамятные времена, давно уже изгладившиеся из памяти. Легенда создавалась *post factum*, и, как туманом, окутав вымыслом действительные исторические факты, смутно лишь удержавшиеся в народной памяти, передала их дальнейшим поколениям в искаженно поэтическом виде, украсив их, как пышным узором, примесью фантастического, чудесного, невероятного.

Плод досужей фантазии, она намекает только на факты, поэтизируя и детализируя их до полной неузнаваемости. Продукт поэтического творчества – легенда – строит на факте новое, пышно расцветившее здание и такое сложное, такое прихотливое в своих деталях, что за ним совершенно скрывается его фундамент – исторический факт. Ей мало факта, и она не при-

дает даже ему большой ценности. Поэтическая мечта, фантастическая греза, она стремится создать свой идеал, который был дорог народу. Он тяготел к нему, поклонялся ему, и этот идеал легенда старается конкретизировать в реальных фактах. Она создает героев, наделяет их лучшими качествами, на которые способен был народ, создает подвиги и очерчивает их детально в той рамке действий, которая доступна была народному духу и пониманию, какую он считал наилучшей, наиболее совершенной. И герои легенды глубоко жизненны, глубоко реальны, несмотря на то что они никогда, может быть, и не существовали.

Чем дальше, тем точнее и детальнее становится легенда, переходя из создания народной фантазии в область фантастического, исторического рассказа. На сцену выступают уже действительно исторические лица, правда, не в том виде, в каком они существовали в действительности. Однако так и должно быть. Жизнь все более входила в рамки, более дифференцировалась, в результате стало возможно различать уже отдельных лиц, исторических деятелей. Однако народное творчество не останавливалось, идеал жил и требовал для себя конкретного образа, и нет ничего удивительного в том, что этот идеал был перенесен целиком на тех или иных исторических личностей, оставшихся благодаря какому-либо поводу в исторической памяти народа.

Борьба с соседями занимала центральное место в жизни того времени. Взаимные набеги, расхищение имущества, похищение женщин и, вероятно, людоедство были слишком значимыми фактами, чтобы народная память совершенно забыла о них. Однако, не забыв о них, она утратила представления о подробностях, об исторически реальной правде. Создававшаяся уже впоследствии легенда приводит эти факты в искаженном, конечно, виде. Она излагает их нам в виде битвы с чертями, со сверхъестественными существами, и для такой борьбы она создает соответствующих героев, обставляя их появление элементами чудесности.

Момотаро – герой, но он не совсем человек, он посланец богов. Иссумбоси – герой, побеждающий чертей-людоедов, – тоже не похож на обыкновенных людей. Это, конечно, присуще всем народам. Герой древнего периода всем отличается от обыкновенных людей, в нем непременно должны присутствовать признаки сверхъестественности. Вместе с тем народное творчество сейчас же наделяет его идеальными чертами, которые свойственны народу, и все его действия окрашиваются именно этими идеальными цветами.

Момотаро – герой, и ему сопутствует помощь богов. Он герой, избавляющий свою страну от несчастья, уничтожающий чертей, причинявших ей бедствия. Однако геройство его несколько своеобразно. Он с грозой идет на чертей, идет сразиться с ними, но все оканчивается тем, что он приходит на место борьбы, когда уже черти разгромлены его сподвижниками, животными; здесь он проявляет удивительно хладнокровную жестокость по отношению к сраженному, просящему пощады врагу и увозит отнятые у чертей сокровища. В этом весь его подвиг.

Другой победитель чертей, личность действительно историческая, Райко, уничтоживший, по преданию, каких-то инородцев, делавших набеги на страну, – один из популярнейших героев Японии – опять-таки слишком ярко отражает на себе этические принципы народа. Он идет на бой за свою страну и заранее обеспечивает успех. Он, герой, сокрушает чудовище, избавляет страну от бедствий, но делает это путем обмана. Проникнув в переодетом виде со своими товарищами в убежище чудовища, он при помощи богов опаивает его, усыпляет и, подобно Сусаноо, рубит его, пьяного и сонного, в то время как его товарищи, подкрепленные, как и он сам, божьей помощью, успешно справляются с опьяневшими, полусонными, ничего не подозревавшими врагами. Во всем этом нет лжи, здесь, как в зеркале, отразилось народное понимание, здесь выпуклыми чертами запечатлено то, что народ считал уместным, при-

личным, геройским. И это не единственные в своем роде примеры. Стоит только обратиться к истории.

В недавнее время Европа зачитывалась, да и теперь зачитывается небольшой книжечкой, написанной в Японии для иностранцев. Это «Бусидо», что дословно значит «путь (нравственный) самурая», японского воина-подвижника (тип, уже не существующий ныне). Эта книжечка произвела сенсацию, она была откровением: японский самурай отождествлялся с европейским рыцарем. Те, кто наилучше мог бы решить этот вопрос, сами рыцари, отошли уже в область преданий, но думается, что ни один рыцарь не захотел бы стать самураем и ни один самурай не смог бы стать рыцарем. Слишком глубока пропасть, слишком различны понятия о чести, благородстве, геройстве.

III

Сказания, проводящие этический или религиозный принцип: «Мечь краба», «Каци-Кацияма», «Зеркало Мацуяма», «Хибарияма», «Дед Ханасака», «Воробей с обрезанным языком», «Свадьба крысы», «Адацигахара», «Кошки и крысы», «Обезьяна и медуза», «Моногуса Таро».

Эта группа сказаний не имеет никакого отношения ни к мифологии, ни к истории. Сказания эти касаются исключительно внутренней духовной жизни человека, и в них ясно отражено все его мирозерцание. Те моральные принципы, которые применялись в жизни, которыми жил народ, опоэтизированы в этих сказаниях и запечатлены в них навеки. Одни из них выработаны самим народом, а большая часть прочих заимствованы и переработаны. Однако это не важно, первоначальное их происхождение не играет роли. Важно то, что они составляли содержание духовной жизни народа, вошли в уклад ее, применялись на практике. Это относится также и к религиозным воззрениям.

В этих сказаниях нашли верное отражение те руководящие принципы, которые неизменно сказались в жизни и которые составляли *credo* народа. На этих принципах создавал он свой идеал, они составили его обычаи.

Первое место надо отвести принципу кровной мести. Этот принцип, вошедший в жизнь народа, проникший всюду, сделался обычаем. Он стал не только правом, но и обязанностью, с которой связано было известное понятие о чести. Погрешить против этой обязанности, отказаться от мести – значило бы погрешить против чести, утратить ее, тогда как выполнение ее ставилось в заслугу, составляло подвиг, геройский поступок.

Обычай кровной мести свойствен многим народам. В этом отношении японцы не составляют исключения, но разнятся, пожалуй, приемы мщения. Они своеобразны – тождественны с приемами богатырей японского мифа и легендарного исторического сказания. Для успеха годятся любые средства. И одно из них, средство верное, испытанное, примененное самим божеством, – обман, усыпление подозрительности врага, подготовка удара в тиши, нападение врасплох.

Краб мстит обезьяне за смерть отца и медленно, систематически готовит удар. Он усыпляет ее подозрения, приглашает к себе, подпаивает и нападает на нее неожиданно. Нападает на одну, заручившись союзниками. Успех, конечно, обеспечен. И обезьяна падает под его ударами. Заяц мстит тануки за старика. Мстит так, что тануки даже не подозревает об опасности. Ведь от зайца он не ожидает никаких неприязненных действий. Заяц, конечно, при таких условиях должен остаться победителем. В обоих случаях шансы слишком неравны, и именно эта борьба при неравенстве шансов и составляет характерную черту. Таков принцип мести, при таких именно условиях реализовался он на практике, отражая моральные взгляды народа.

Другой моральный принцип, также вошедший в уклад жизни японцев, носит мирный характер. Это почитание родителей детьми. Принцип этот не самобытен у японцев. Он заим-

ствовав из Китая вместе со всей конфуцианской философией. Пять положений Конфуция о пяти добродетелях, именно о пяти разновидностях отношений людей между собою, были приняты японцами и вошли в состав их этических понятий. В числе Конфуциевых положений самое важное – это положение о сыновнем почитании, из него уже вытекают все остальные.

Японцы приняли это положение, но с той разницей, что во главе всех добродетелей поставили преданность властителю. При столкновении этих двух принципов сыновнее почитание должно уступить место преданности. Из-за преданности государю можно даже убить отца. В истории тому есть не один пример. Такой взгляд на взаимоотношения этих двух принципов был, правда, удобен разным политическим деятелям, которые смело могли всадить нож в грудь родному отцу, чувствуя тому определенное оправдание. Однако там, где принципы эти не сталкивались, принцип сыновнего почитания проводился во всей строгости и чистоте. Зеркала Мацуямы и Хибариямы демонстрируют эти принципы. Здесь мы встречаемся уже с более понятными нам симпатичными чертами народного характера, особенно в Хибарияме, где к конфуцианству примешан буддизм, с его мягким гуманитарным направлением, с его милосердием и незлобивостью.

Далее за тем проводятся принципы жизненной морали: зависть и жадность наказываются в сказаниях «Дед Ханасака» и «Воробей с обрезанным языком», и, наоборот, награждается скромность, умеренность и доброта. Эти нравственные правила были живы в народе, они стояли на прочных устоях, и надо удивляться только, как нашли рядом с ними место такие уродливые понятия, о которых говорилось выше.

В «Свадьбе крысы» тоже проводится определенное понятие житейской морали, правда, довольно убогое. Состоит оно в том, чтобы довольствоваться своим положением и не стремиться к иному. Такой принцип можно найти в этике почти всех народов. Это, очевидно, положение, выведенное из горького опыта жизни.

Религиозные воззрения народа также нашли отражение в сказаниях. Собственно национальной религии у японцев нет, ибо то, что считается их национальной верой – синтоизм, – не есть, по существу, религия, поскольку в ней отсутствует прежде всего догма. Синтоизм – это та самая мифология, о которой говорилось выше. Этот недостаток был восполнен заимствованиями. Позаимствованный у Китая буддизм прочно привился на японской почве и быстро распространился в массе народа.

Распространилась, конечно, главным образом обрядовая сторона буддизма, с ее бесчисленным пантеоном объектов поклонения, в который включены были и некоторые синтоистические божества. Сюда примешалась масса суеверий, и в конце концов получился своеобразный культ, который вполне удовлетворял японцев и пригоден был в самых разных случаях повседневной жизни. Хотя, конечно, эти верования совершенно не похожи на настоящий чистый буддизм, не имеющий прежде всего никаких объектов поклонения. Сказание о монахе, которого спасает от ведьмы буддийская молитва, очень характерно в этом смысле. Однако обрядовая сторона культа не заслонила все-таки догмы этого учения. В «Кошках и крысах» эта догма проведена довольно выпукло. Религия кротости, милосердия, религия гуманная все же оказала свое влияние, свое воспитательное действие, несмотря на то что в повседневной, практической жизни она нередко вышучивается.

Не чужд японскому творчеству и животный эпос. Во многих сказаниях фигурируют животные. Японцы были очень близки к природе, хорошо ее знали. Они хорошо изучили мир животных, сложив о некоторых из них целые легенды, как, например, сказание, объясняющее происхождение медузы. Характерно, однако, здесь и то, что медуза была наказана за свое неумение обмануть.

В «Моногуса Таро» уже совершенно новая область. Здесь выражен взгляд народа на поэтическое творчество. И хотя это творчество в Японии стоит в несколько своеобразных условиях и не требует, может быть, такого самобытного дарования и таланта, как у других народов,

но все же народный взгляд подметил, что поэзия и суতোка повседневной жизни есть вещи несовместимые.

Моногуса – поэт и потому отъявленный лентяй, стоящий в стороне от жизни, не утруждающий себя ее мелочами, не гнушийся перед сильными мира.

Последняя, четвертая группа – это сказания без определенного характера: «Кобутори», «Счастливый чайник» и «Урасима Таро».

В них нет определенного, выраженного характера: они не касаются мифологии, чужды истории, не проводят никакого принципа или воззрения. Это просто легенды, созданные при известном случае. В двух первых опоэтизированы народные суеверия. Возможно, они созданы по какому-либо точно определенному случаю, но смысл их теперь утрачен. Самой поэтичной и самой древней является легенда об Урасиме Таро. Это очень красивое сказание, которое легло в основу одной древней японской баллады. В этом сказании японское творчество прекрасно выражено, в нем народная душа раскрылась в лучшем своем виде.

Сказания как выразители духовной жизни народа наглядно очерчивают нам и бытовую ее сторону. Тот быт, который частью отошел уже в область преданий, но вместе с тем и тот, который существует еще и теперь, ибо ни в одной стране, может быть, не удержалась в настоящее время старина в такой степени, как в Японии, ни у одного народа не сильны, может быть, традиции так, как у японского.

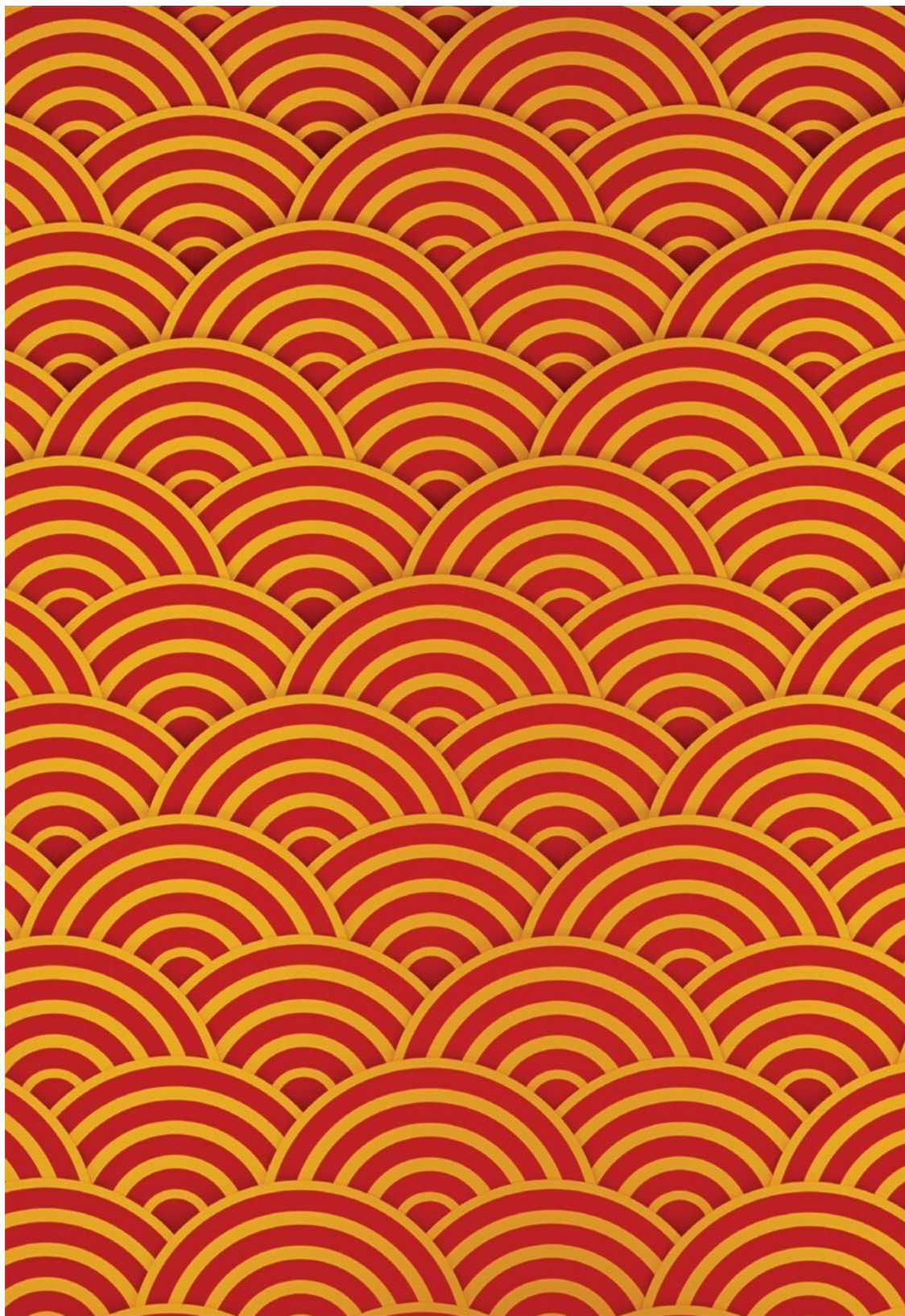
На протяжении всех сказаний сборника вся бытовая жизнь Японии панорамно проходит перед нами, как на сцене. Одежда, пища, жилища, церемонии, приветствия, музыка, поэзия. Все мелочи повседневной жизни от врытого в землю очага в бедном крестьянском домишке и до скрытого за бамбуковой завесой божественного микадо, чья божественная голова изволила разболеться от шума вод разлившейся реки; от страстной молитвы божеству о даровании ребенка и до звона мечей в кровавом бою; от толчения риса для приготовления моци и до праздника цветов с его музыкой, поэзией и церемониями – все это происходит перед нами в ряде мастерски набросанных художественных картин. Здесь есть много такого, чем можно и должно заинтересоваться.

Таковы эти сказания о делах былых, о том, что было во дни глубокой старины и не перестало еще быть и теперь.

В. М. Мендрин
Токио

СКАЗАНИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ
СКАЗАНИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Момотаро

Давным-давно в некотором месте жили-были старик да старуха. Вот однажды старик отправился в горы резать хворост, а старуха пошла на реку полоскать белье. Так разошлись они каждый по своим делам.

Было как раз начало лета: толстым ковром стлалась по плотине ярко-зеленая трава, прибрежные ивы свешивали вниз свои зазеленевшие бахромчатые ветви. Все кругом было зелено, зелено так, что глаза разбегались. Время от времени набегал нежным дуновением ветерок, подымая мелкую рябь на поверхности воды и нежно лаская лицо. Хорошо было кругом!

Старуха поставила свое корыто в удобном местечке и, вынимая одну за другой промоченные рубахи и заношенное верхнее платье, погружала их в воду, такую чистую и прозрачную, что ясно можно было видеть, как выскакивали из-под камешков форели. Только и слышно было: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп!

Вдруг выше по течению реки бухнул в воду преогромнейший, с голову почти величиной, персик. Раскачиваясь и пеня воду, он поплыл по реке вниз.

– Какой прекрасный персик! – сказала старуха, увидев его.

«Шестьдесят лет живу я на белом свете, а отроду еще не видывала такого громадного. И вкусен же, должно быть, он. Вот бы хорошо поймать его да сделать подарочек моему деду», – так рассуждала старуха сама с собою и протянула руку, но персик достать не могла. Оглянувшись кругом: как назло, нигде нет палки. Старуха задумалась, но вдруг ей пришла в голову новая мысль, и, обращаясь к персику, она крикнула:

– Дальняя вода горькая, ближняя вода сладкая. Не ходи в горькие места, иди сюда, в сладкое место! – несколько раз повторила она это и подставила руки.

И вот удивительное дело! Персик понемногу, понемногу стал приближаться и наконец остановился подле старухи.

– Ага, попался! – воскликнула она и живехонько подобрала его.

Теперь ей стало уже не до стирки. Кое-как сложила она белье и поплелась домой, захватив персик в охапку.

«Обрадуется же старик, когда придет домой», – подумала она и стала его поджидать.

Наступил вечер, и вот старик идет домой, опираясь на топор, как на трость, навьюченный нарубленным в горах хворостом так, что даже головы не видно.

Завидев его, старуха побежала навстречу.

– О старик, старик! Ты ведь и не знаешь, что я давно уже поджидаю тебя.

– А что, случилось разве что-нибудь?

– Нет, все благополучно. Я приготовила тебе гостинец. Доволен будешь, когда покажу.

– Вот как! Ты очень внимательна, – сказал старик и, вымыв себе ноги, вошел в дом.

Старуха, с трудом обхватывая персик, поднесла его старику.

– Вот полюбуйся, – сказала она.

Увидев его, старик был поражен.

– Вот так персик! Где же ты купила такую штуку?

– Что? Я вовсе не покупала его.

И старуха подробно рассказала все, как было.

Слушая ее, старик все более и более удивлялся:

– Ну благодарю. А кстати, я проголодался. Давай-ка поскорее закусим персиком. – С этими словами он принес из кухни большой нож и, положив персик на лоток, совсем уже

собрался разрезать его пополам. Только что хотел он сделать это, как вдруг, неслыханное дело, изнутри персика раздался нежный детский голос: «Подожди немного, старик!» В тот же момент персик с треском разделился на две половины, и оттуда неожиданно выскочил совсем еще младенец, мальчик.

Как тут не испугаться! Старик и старуха перетрусили насмерть и, ахнувши, отшатнулись назад. Мальчик стал их успокаивать:

– Не пугайтесь, не пугайтесь. Я вовсе не страшное чудовище. Я спустился сюда по велению небесных богов. Вы оба горевали о том, что у вас до сих пор нет детей – боги прониклись жалостью и пожаловали вам меня. Примите меня как своего ребенка и воспитывайте.

Вот что говорил он им чистым звонким голосом. Как было не обрадоваться старику и старухе, когда они услышали это. Уже давно горевали они о том, что они стары, а детей у них все нет, и вот совершенно неожиданно небо дарует им такого прекрасного ребенка. Какая неописуемая радость! Они не знали, что им делать, хлопать ли в ладоши, танцевать ли, и чуть с ума не сходили от радости. Старики стали воспитывать этого ребенка, которому дали имя Момотаро ¹, так как он вышел из персика, и нежно любили его, как любят бабочек, как можно любить цветы. Идут дни за днями, месяцы за месяцами, летит быстрокрылое, крылатое время, и вот Момотаро исполнилось пятнадцать лет.

Как у ниспосланного небом, у него не могло быть, конечно, недостатков, ни телесных, ни духовных. Телом он был красив, духом мужествен; кроме того, он обладал громадной физической силой. Одним словом, это был богатырь, превосходивший всех и ставший уже сильным, красивым и доблестным мужчиной. Старик и старуха не могли нарадоваться.

Однажды Момотаро обратился к старику:

– Отец! Случайно вышло, что ты стал мне отцом, а я тебе сыном. Долгие годы и месяцы воспитывал ты меня. Беспредельна милость твоя, она выше горы, на которой косят траву, она глубже реки, в которой полощут белье. Я не знаю, как и выразить мою благодарность, – говорил Момотаро.

Старик смутился:

– Что ты, что ты! Можно ли говорить о такой безделице? Разве есть что-нибудь удивительное в том, что дети пользуются заботами и расположением родителей? А мы ведь стали тебе родителями, а ты нам сыном. Когда ты вырастешь, то в воздаяние за наши заботы ты будешь печься о нас обоих. Мы дали тебе не больше, чем получим от тебя. А что теперь ты толкуешь о благодарности, так ты этим только огорчаешь меня.

– Однако есть у меня одно дело, о котором боюсь и сказать, ибо неловко говорить об этом теперь, когда я еще ничем не воздал за оказанные мне милости. Есть у меня к тебе просьба, не откажи выслушать ее.

– Ты не похож на других людей, и твою просьбу я выслушаю.

– Так вот, прошу тебя, пожалуйста,пусти меня теперь из дома.

– Отпустить?

– На время только. Я скоро вернусь.

– А куда же ты решил отправиться?

– Ты не поверишь, даже если я расскажу тебе все подробно. На северо-востоке нашей Японии, далеко-далеко в беспредельном океане есть остров, на котором живут черти. Злы и непокорны эти черти. Они не только не исполняют повелений наших божественных правителей, но, напротив, делают еще набегии на нашу страну, эту прекрасную равнину бамбука, уводят и пожирают людей, расхищают добро. Нет на свете ничего ненавистнее их, и теперь пойду я на них походом, сокрошу это отродье одним ударом и верну назад все награбленные ими сокровища, которых они накопили бесчисленное множество. Пожалуйста, разреши мне это, убедительно прошу тебя, – горячо говорил Момотаро, открывая старику все свои заветные планы. Слушая его, старик удивлялся его смелым не по годам речам, и в то же время у него появилась надежда, что Момотаро, такой богатырь с виду, да еще к тому же посланец неба, во всяком случае останется невредим. Хлопнув себя по коленям, он сказал:

¹ Момо – значит «персик», таро – приставка к имени старшего сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.